

ПОСЛЕ ПОСЛЕДНЕГО ВЫСТРЕЛА

Эмма Смит

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Он забыл их прошлое. Она — никогда.

18+

Эмма Смитх

После последнего выстрела

«Автор»

2026

Смитх Э.

После последнего выстрела / Э. Смитх — «Автор», 2026

Лея Орлова давно научилась жить с неразделённой любовью. В школе она смотрела на Тимура Власова издалека, пряча чувства за улыбкой и делая вид, что его холодность не причиняет боли. Но Тимур никогда не видел в ней больше, чем одноклассницу. Восемь лет назад их дороги разошлись, и Лея решила, что вместе с ним оставила в прошлом и свою любовь. Теперь она — врач, привыкшая спасать чужие жизни. Он — военный, для которого долг, приказ и служба всегда были превыше всего. Их встреча одном городе ставится для ей неожиданным ударом. Стоит ей увидеть Тимура, как давно забытые чувства вспыхивают с новой силой. Но мужчина, которого она помнила, изменился. Он стал властным, сдержанным и опасно притягательным. Тимур не привык подпускать людей близко и не собирается позволять чувствам вмешиваться в его ЖИЗНЬ. Она лечит тех, кого он защищает. Он охраняет границы, за которыми Лея пытается сохранить чужие сердца.

© Смитх Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эмма Смитх

После последнего выстрела

Глава 1

Аннотация

Лея Орлова давно научилась жить с неразделённой любовью.

В школе она смотрела на Тимура Власова издалека, пряча чувства за улыбкой и делая вид, что его холодность не причиняет боли. Но Тимур никогда не видел в ней больше, чем одноклассницу. Восемь лет назад их дороги разошлись, и Лея решила, что вместе с ним оставила в прошлом и свою любовь.

Теперь она — врач, привыкшая спасать чужие жизни. Он — военный, для которого долг, приказ и служба всегда были превыше всего.

Их встреча в одном городе становится для Леи неожиданным ударом. Стоит ей увидеть Тимура, как давно забытые чувства вспыхивают с новой силой. Но мужчина, которого она помнила, изменился. Он стал властным, сдержанным и опасно притягательным. Тимур не привык подпускать людей близко и не собирается позволять чувствам вмешиваться в его жизнь.

Она лечит тех, кого он защищает.

Он охраняет границы, за которыми Лея пытается сохранить чужие сердца.

Но что произойдёт, когда прошлое столкнётся с настоящим? Сможет ли Тимур нарушить собственные правила ради женщины, которая всё это время любила его? И выдержит ли Лея любовь к человеку, для которого будущее всегда начинается с очередного приказа?

Иногда два человека слишком спешат навстречу своей судьбе, чтобы заметить: их дороги уже давно ведут друг к другу.

1 книга цикла «на линии любви»

Глава 1. Цена надежды.

Я проснулась ещё до рассвета — не от звука будильника и не от привычного шума за окном, а от тишины.

Обычно по утрам наш дом оживал задолго до того, как солнце касалось крыш соседних домов. На кухне звенела посуда, отец тяжело отодвигал стул, недовольно ворчал на скрипучую дверцу шкафа, а мать несколько раз заходила ко мне в комнату, чтобы напомнить: завтрак остывает. Сегодня же вокруг стояла такая глухая тишина, словно стены специально задерживали дыхание.

Я лежала на спине и смотрела в потолок, различая в сером утреннем свете едва заметную трещину возле люстры. Эта трещина появилась ещё прошлой зимой. Отец обещал заделать её весной, потом летом, а позже перестал упоминать вовсе. Теперь она напоминала мне тонкую линию, разделяющую привычную жизнь и то, что начиналось за её пределами.

Я протянула руку к телефону.

На экране было несколько пропущенных звонков из клиники и одно короткое сообщение от заведующего отделением:

«Лея, зайдите ко мне сразу после прибытия. Разговор срочный».

Я перечитала сообщение несколько раз, хотя смысл оставался неизменным. Внутри неприятно сжалось. Когда заведующий писал таким тоном, речь никогда не шла о пустяках.

Я медленно села на кровати и провела ладонями по лицу. За окном только начинало светать. Небо было бледным, почти бесцветным, а мокрые ветви старого дерева царапали стекло. Ночью шёл дождь, и теперь вода медленно стекала по окну длинными дорожками, превращая фонари в расплывчатые золотые пятна.

Я хотела встать, но несколько секунд просто сидела, прислушиваясь к дому.

Внизу что-то упало.

Затем раздался резкий голос отца:

— Я сказал, что не буду это обсуждать!

Следом послышался голос матери. Она говорила тише, но даже сквозь закрытую дверь я почувствовала в нём усталость и тревогу.

Я поднялась. Пол оказался холодным, и по спине пробежала дрожь. Накинув халат, я вышла из комнаты и остановилась на лестнице. Отсюда была видна кухня. Отец стоял возле окна, опираясь ладонями о подоконник. Его плечи казались напряжёнными, а голова была опущена. Мать сидела за столом, сжимая в руках чашку, к которой, судя по нетронутому чаю, так и не притронулась.

Они не заметили меня.

— Ты не можешь продолжать делать вид, будто всё под контролем, — сказала мать. — Мы уже отложили это на три месяца.

— А что ты предлагаешь? — резко спросил отец, не оборачиваясь. — Продать дом? Взять ещё один кредит? Позвонить людям, которым мы и так должны?

— Я предлагаю поговорить с Леей.

При звуке собственного имени я замерла.

Отец наконец обернулся. Его лицо сразу изменилось. Раздражение исчезло, уступив место напряжённой попытке выглядеть спокойно. Мать тоже подняла глаза и увидела меня на лестнице.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

— Доброе утро, — сказала я, хотя голос прозвучал слишком тихо.

Мать поставила чашку на стол и попыталась улыбнуться. Эта улыбка была такой осторожной, будто она боялась, что любое лишнее движение разрушит хрупкое равновесие.

— Доброе утро, милая. Ты рано встала.

— Я услышала вас.

Отец отвёл взгляд.

Я спустилась по лестнице, стараясь не показывать, как сильно меня тревожит их разговор. На кухне пахло остывшим кофе, влажным деревом и лекарствами. На краю стола лежала открытая папка с документами. Я узнала логотип больницы и сразу почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Что это? — спросила я, указывая на папку.

— Ничего, — быстро ответил отец.

Он произнёс это слишком поспешно.

Я подошла к столу и взяла верхний лист. Мать попыталась остановить меня, но не успела. Взгляд зацепился за несколько знакомых слов: кардиологическое отделение, необходимость срочного вмешательства, лист ожидания, трансплантация.

Я медленно подняла глаза.

— Это связано с тобой?

Мать сжала губы. Её пальцы дрожали, хотя она пыталась скрыть это, сцепив руки на коленях.

— Лея...

— Мам, ответь мне.

Я не повысила голос, но в нём прозвучало требование. Я слишком хорошо знала медицинские формулировки, чтобы позволить им спрятаться за общими словами. Каждый термин в документе был мне понятен. Слишком понятен.

Мать глубоко вдохнула.

— Моё сердце больше не справляется.

Фраза была произнесена спокойно, почти буднично. От этого она показалась ещё страшнее.

Я смотрела на неё и не могла сразу осознать смысл сказанного. Передо мной сидела моя мать — женщина, которая каждое утро открывала окна, ругалась на меня за поздние возвращения, выращивала на балконе базилик и всегда умудрялась находить в холодильнике продукты, которых там не было. Она выглядела уставшей, но не больной.

— Что значит «не справляется»? — спросила я.

— Ты прекрасно понимаешь, что это значит.

— Я хочу услышать от тебя.

Мать отвела глаза к окну. За стеклом дождь усилился, и капли начали стучать по подоконнику.

— Кардиомиопатия прогрессирует. Лекарства уже не дают прежнего эффекта. Врачи считают, что нужна трансплантация.

Я почувствовала, как ноги становятся ватными, но заставила себя не садиться.

— Почему я узнаю об этом сейчас?

— Потому что мы надеялись, что сможем справиться сами, — ответил отец.

Я резко повернулась к нему.

— Сами? Вы скрывали от меня, что мама может умереть?

— Не говори так, — сказал он, и в его голосе впервые появилась боль. — Не произноси это слово.

— А какое слово мне произносить? «Ухудшение»? «Сложный период»? «Непредвиденные обстоятельства»? Я врач, папа. Я знаю, что означают эти документы.

— Ты врач, а не всемогущая, — огрызнулся он.

Его слова ударили сильнее, чем я ожидала. Я замолчала, сжимая лист так, что он помялся в моей руке.

Мать посмотрела на него с упреком.

— Не надо на неё кричать.

— Я не кричу.

— Ты кричишь с тех пор, как узнал диагноз.

Отец отвернулся, провёл ладонью по лицу и тяжело опустился на стул. За последние месяцы он будто постарел. Раньше я воспринимала его как человека, которого невозможно сломать. Он всегда находил решение, всегда знал, что делать. Даже в самые трудные времена отец сохранял уверенность, заставляя окружающих верить, что всё обязательно наладится.

Теперь эта уверенность исчезла.

Я села напротив матери.

— Как давно вы знаете?

— Почти четыре месяца, — ответила она.

Я закрыла глаза.

Четыре месяца.

Четыре месяца я приходила домой после смен, жаловалась на усталость, рассказывала о пациентах, спорила с отцом из-за его привычки пропускать обследования, а моя мать каждый день жила с мыслью о том, что её сердце может остановиться.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что ты бы бросила всё.

— Конечно, бросила бы.

— Именно поэтому.

— Мам, я твоя дочь.

— Ты ещё и врач. И я знаю тебя. Ты начала бы искать деньги, знакомых, варианты лечения, ночевала бы в больнице и перестала бы жить собственной жизнью.

— Моя жизнь не важнее твоей.

Мать улыбнулась, но в её глазах появились слёзы.

— Для меня важнее, чтобы ты не превратила свою жизнь в бесконечную борьбу за меня.

— А что мне делать? Смотреть, как ты умираешь?

— Не говори так.

На этот раз её голос дрогнул.

Я накрыла её руку своей. Кожа была холодной. Раньше я всегда считала руки матери удивительно тёплыми. Она гладила меня по волосам, когда я болела, держала меня за пальцы во время школьных выступлений, поправляла воротник моего пальто перед экзаменами. Сейчас её ладонь казалась почти невесомой.

— Что сказали врачи? — спросила я уже тише.

Отец поднял глаза.

— Операция необходима. Но сначала нужно попасть в программу. Есть частная клиника, где могут провести трансплантацию быстрее.

— И сколько это стоит?

Мать сразу опустила взгляд.

Я поняла ответ ещё до того, как отец его произнёс.

— Десять миллионов долларов, — сказал он.

В кухне снова повисла тишина.

Мне показалось, что слово осталось висеть, между нами, тяжёлое и невозможное. Десять миллионов. Сумма, которая не укладывалась в сознании. Это были не просто деньги. Это были годы чужой жизни, огромные состояния, сделки, дома, компании.

— У нас нет таких денег, — произнесла я.

— Нет, — подтвердил отец.

— А страховка?

— Не покрывает лечение в этой клинике.

— Государственная программа?

— Слишком длинная очередь.

— Другие больницы?

— Мы проверили.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается отчаяние, но вместе с ним — злость. Мне хотелось обвинить их в бездействии, хотя я знала, что отец сделал всё возможное. Хотелось найти виноватого, потому что без виноватого происходящее казалось особенно страшным.

— Сколько времени у нас есть?

Мать попыталась ответить, но голос сорвался. Отец сжал челюсти.

— Врачи говорят, что счёт идёт на недели.

Я встала так резко, что стул отодвинулся и ударился о стену.

— На недели?

— Лея, сядь.

— Вы говорите, что у мамы есть несколько недель, а всё это время молчали?

— Мы не хотели превращать каждый день в прощание.

— А теперь что? Теперь я должна за несколько недель найти десять миллионов?

— Мы найдём решение.

— Какое?

Отец не ответил.

Я прошла к окну и прижалась ладонями к холодному стеклу. Дождь расплывался перед глазами. Я пыталась думать, как врач: оценить состояние, возможные варианты, риски, последовательность действий. Но мысли рассыпались.

Передо мной была не пациентка.

Передо мной была моя мать.

Женщина, которая научила меня читать. Женщина, которая держала меня за руку, когда я боялась первой операции на практике. Женщина, которая всегда говорила, что главное — не потерять человечность, даже если работа заставляет каждый день видеть боль.

Теперь я должна была найти способ спасти её.

Я ещё долго стояла у окна, не в силах отойти от него. За стеклом серое утро окончательно вступало в свои права, но в доме по-прежнему было темно. Казалось, вместе с дождём на город опустилась тяжесть, от которой невозможно было избавиться простым движением или глубоким вдохом.

На столе лежали медицинские документы. Я смотрела на них и мысленно перебирала возможные варианты, хотя уже знала: времени почти не осталось.

В этот момент мой телефон зазвонил.

Резкий звук прорезал кухонную тишину. Я вздрогнула и достала его из кармана халата. На экране высветился номер клиники.

— Лея Орлова? — спросил секретарь заведующего, когда я ответила.

Его голос звучал официально и немного напряжённо, будто он заранее знал, что разговор будет неприятным.

— Да.

— Вас срочно вызывает заместитель главного врача. Он уже в кабинете и ждёт вас.

Я посмотрела на мать. Она сидела неподвижно, прижав ладонь к груди. В её лице не было паники, но я слишком хорошо знала эту спокойную маску. Она старалась не показывать, как ей тяжело.

— Я скоро буду, — ответила я.

Положив телефон на стол, я несколько секунд не двигалась. Мне хотелось остаться дома, продолжить искать решение вместе с родителями, но работа не ждала. Кроме того, если заместитель главного врача вызвал меня лично, причина действительно была серьёзной.

— Тебе нужно ехать? — спросила мать.

В её голосе звучала слабость, и от этого мне стало ещё тяжелее.

— Да. Но я вернусь сразу после смены.

Я старалась говорить уверенно, хотя сама не верила, что смогу спокойно провести рабочий день. Внутри всё ещё звучала сумма, которую я никак не могла принять: десять миллионов долларов.

Отец поднялся со стула.

— Мы не будем ничего решать без тебя.

Он говорил твёрдо, но его взгляд выдавал тревогу. Я понимала, что он пытается вернуть себе привычную роль человека, который способен защитить семью. Однако теперь мы оба знали: обычных решений больше не осталось.

— Я свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю, — сказала я.

Я подошла к матери и осторожно обняла её. Она прижалась ко мне, и я почувствовала, насколько сильно похудела за последние месяцы.

— Всё будет хорошо, — прошептала она.

Эти слова должны были успокоить меня, но вместо этого в груди стало тесно. Я не могла обещать ей то, в чём сама не была уверена.

— Да, — ответила я, заставляя себя улыбнуться. — Обязательно.

Я поднялась в свою комнату и открыла шкаф. Выбор одежды обычно занимал у меня не больше минуты, но сегодня я долго стояла перед полками, не замечая вещей.

В конце концов я достала светлую блузку с высоким воротником и тёмно-синие классические брюки. Поверх надела тонкий серый кардиган, а затем длинное бежевое пальто. Волосы собрала на затылке, оставив несколько прядей у лица. Я не стала наносить макияж, только быстро умылась холодной водой и посмотрела на своё отражение.

Лицо казалось бледным. Под глазами легли тени, а губы почти потеряли цвет.

Я выглядела не как врач, привыкший держать себя в руках, а как дочь, которой сообщили, что её мать может не дожить до следующего месяца.

Я отвернулась от зеркала, взяла сумку и спустилась вниз.

Отец стоял у входной двери, держа в руках мои ключи. Он протянул их молча, и в его взгляде было столько беспокойства, что я невольно задержала дыхание.

— Позвони, когда доедешь, — попросил он.

Его просьба прозвучала просто, но я услышала за ней всё, что он не смог сказать: страх, бессилие и надежду на то, что я действительно найду выход.

— Позвоню.

Я надела чёрные кожаные ботинки, обмотала шею светлым шарфом и застегнула пальто. Взяв зонт, я вышла из дома под холодный дождь.

До клиники я добиралась почти сорок минут. Всё это время мысли возвращались к матери. Я пыталась сосредоточиться на дороге, на светофорах и людях, спешивших по мокрым улицам, но перед глазами снова и снова появлялись документы, лежавшие на кухонном столе.

Когда я вошла в клинику, было без десяти восемь. В коридорах уже кипела работа: медсёстры торопливо проходили из одного отделения в другое, пациенты ждали приёма, где-то звонил телефон.

Я сняла пальто, передала его гардеробщице и поднялась на второй этаж. У кабинета заместителя главного врача стояла его секретарь.

— Он вас ждёт, — сказала она, открывая дверь.

Я поблагодарила её и вошла.

За широким столом сидел мужчина около сорока пяти лет. Его звали Александр Сергеевич Воронцов. Он был заместителем главного врача клиники и одним из тех людей, чьё присутствие сразу ощущалось в помещении.

Александр Сергеевич выглядел строго: высокий, худощавый, с широкими плечами и прямой осанкой. Его тёмно-русые волосы были коротко подстрижены, а виски уже тронула лёгкая седина. На лице выделялись серые глаза, внимательные и холодноватые, но не лишённые усталости. Он был одет в тёмный костюм, белую рубашку и бордовый галстук. На столе перед ним лежала тонкая папка.

Он поднял взгляд на меня и указал на стул напротив.

— Садитесь, Лея.

Голос у него был спокойным, без лишних эмоций. Я села, положив руки на колени, и почувствовала, как внутри нарастает напряжение.

— Вы вызвали меня по поводу работы? — спросила я.

Я старалась говорить ровно, но мысленно уже перебирала возможные причины. В клинике не вызывали врачей без необходимости, а тем более ранним утром.

Александр Сергеевич открыл папку и посмотрел на документы.

— В некотором роде. Нам поступил запрос из военного госпиталя.

При слове «военного» я едва заметно напряглась. Я никогда не работала в военном госпитале постоянно, хотя несколько раз проходила там практику и знала, насколько непростыми были условия.

— Какой именно запрос? — уточнила я.

Воронцов снял очки и положил их рядом с папкой. Его взгляд стал внимательнее, словно он заранее подбирал слова.

— Им срочно требуется врач-терапевт с опытом работы в экстренной медицине. На несколько недель. Возможно, дольше.

Я молчала, ожидая продолжения. Где-то внутри уже возникло неприятное ощущение, что этот разговор связан не только с нехваткой специалистов.

— Почему вы говорите об этом мне?

Я задала вопрос спокойно, но не могла избавиться от подозрения, что у предложения есть скрытая сторона.

Александр Сергеевич сцепил пальцы на столе.

— Потому что вы подходите по квалификации. И потому что военный госпиталь готов заключить с вами отдельное соглашение.

— Какое соглашение?

Он открыл папку и достал несколько листов.

— Если вы соглашаетесь отправиться туда, госпиталь берёт на себя оплату лечения вашей матери. Полностью. Также вашей семье будет предоставлена финансовая поддержка на период её лечения.

Я перестала дышать на несколько секунд.

Слова звучали настолько неожиданно, что я не сразу смогла осмыслить их. Мне показалось, что я неправильно расслышала.

— Вы говорите о лечении моей матери?

Я смотрела на него, пытаясь понять, не ошибся ли он. Надежда появилась слишком быстро и потому казалась опасной.

— Да, — подтвердил Воронцов. — Операция, обследования, медикаменты и необходимые расходы. Всё будет оформлено официально.

Я опустила взгляд на папку. Бумаги лежали передо мной, но буквы расплывались. Ещё час назад десять миллионов долларов казались непреодолимой стеной. Теперь передо мной словно появилась дверь.

— Почему военный госпиталь готов заплатить такую сумму за одного врача? — спросила я.

В моём голосе прозвучала настороженность. Я не хотела позволить отчаянию заставить меня согласиться, не разобравшись в условиях.

Александр Сергеевич чуть откинулся в кресле.

— У них сложная ситуация. В госпитале находятся военнослужащие после тяжёлых операций. Требуется специалист, который умеет работать спокойно и быстро. Вашу кандидатуру рекомендовали.

— Кто именно?

— Полковник Савельев. Он командует медицинским подразделением.

Я провела пальцем по краю листа, стараясь сосредоточиться. Имя ничего мне не говорило, но предложение уже не казалось случайным.

— На какой срок мне нужно уехать?

— Первоначально на один месяц. При необходимости срок может быть продлён, но только с вашего согласия.

Это немного успокоило меня. Я не хотела связывать себя обязательствами, из которых не смогу выйти.

— Где находится госпиталь?

— За городом, на территории военной базы. Дорога занимает около часа. Проживание предоставляется там же.

Я представила больничные коридоры, строгий режим, незнакомых людей и постоянную ответственность. Всё это было непросто, но цена предложения заставляла меня снова и снова возвращаться к одной мысли: у матери появится шанс.

— И вы действительно гарантируете оплату трансплантации?

Я спросила это медленно, тщательно подбирая слова. Мне нужно было услышать не обещание, а точные условия.

Воронцов кивнул.

— Это будет прописано в договоре. После вашего согласия средства перечислят на отдельный медицинский счёт вашей матери. Ваша семья также получит деньги на необходимые расходы.

Я закрыла глаза на мгновение.

Передо мной возникло лицо матери. Её слабая улыбка. Холодные пальцы в моей руке. Её попытка убедить меня, что всё будет хорошо.

Я открыла глаза и посмотрела на Воронцова.

— Что именно я должна делать в госпитале?

Он передал мне второй документ.

— Работать с пациентами, участвовать в обходах, оказывать экстренную помощь и выполнять обязанности врача отделения. Ничего сверх вашей квалификации.

Я внимательно просмотрела бумаги. Условия выглядели чёткими. Срок, обязанности, порядок выплат — всё было указано. Внизу стояла отметка о том, что медицинские расходы матери покрываются отдельной стороной соглашения.

— Мне нужно поговорить с родителями, — сказала я.

Внутри меня боролись осторожность и надежда. Я понимала, что решение нельзя принимать только под влиянием страха, однако другой возможности спасти мать у меня не было.

— Разумеется, — ответил Александр Сергеевич. — Но ответ необходим сегодня.

Он говорил спокойно, но эта фраза заставила меня напрячься. Сегодня. Значит, времени на сомнения почти не оставалось.

— Когда я должна прибыть?

— Завтра утром.

Я подняла взгляд.

— Так быстро?

— В госпитале срочно нужен врач.

Воронцов замолчал, а я снова опустила глаза на договор. Слова «завтра утром» звучали так, будто кто-то уже отделил мою прежнюю жизнь от следующего этапа.

Я взяла ручку, но не стала подписывать документы.

— Я должна сама связаться с госпиталем?

— Нет. После вашего согласия я передам ваши данные полковнику Савельеву. Он сообщит детали прибытия.

Я положила ручку обратно на стол. Внутри постепенно формировалось решение. Оно пугало меня, но вместе с тем давало то, чего не было ещё утром, — надежду.

— Я соглашусь, — сказала я.

Собственный голос показался мне чужим. Я произнесла эти слова тихо, однако впервые за несколько часов почувствовала, что могу сделать хоть что-то для матери.

Александр Сергеевич внимательно посмотрел на меня.

— Вы уверены?

В его вопросе не было давления. Скорее, он пытался убедиться, что я понимаю последствия.

— Да. Если это действительно поможет моей матери, я поеду.

Я подписала договор. Рука немного дрожала, но подпись получилась разборчивой. В этот момент я ещё не знала, что поездка в военный госпиталь изменит не только судьбу моей семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.